

ЩЕРБИНИН П.П. ЖИЗНЬ РУССКОЙ СОЛДАТКИ В XVIII – XIX ВЕКАХ

Солдаткой (солдатской женой¹, рекруткой, женой нижнего воинского чина) называли в России в законодательстве² и в повседневной жизни женщину, муж которой был взят в рекруты или призван в армию.

Для многих женщин трансформация в солдатку приводила к личной трагедии, обрекала на нищету и бесправие, лишала семейного счастья и традиционного образа жизни.

В XVIII—XIX вв. рекрутские наборы часто воспринимались современниками как смертный приговор рекруту. Судьба солдатской жены считалась худшей, чем судьба вдовы, так как последняя могла выйти замуж вторично, тогда как солдатку ожидало одинокое будущее и неприкаянность. По подсчетам американского историка С. Хока в годы массовых рекрутских наборов солдатки составляли значительную часть молодых женщин, которые по своему статусу были близки к вдовам³. Не случайно, солдатка после призыва мужа на службу должна была носить траурную одежду без украшений⁴. У женщины, ставшей рекруткой (солдаткой), вырабатывался особый тип семейного поведения на новом этапе ее жизни.

Современники негативно оценивали отношение населения к рекрутским наборам и тем страданиям, которые они приносили в семейную жизнь. Особое потрясение вызывала неожиданность самих наборов, создававших постоянную угрозу для семейного благополучия и лишавших перспективы сотни тысяч мещанских и крестьянских семей. Рекрутчина оказывала колоссальное влияние на семейную жизнь, повседневные реалии сотен тысяч людей. Российская армия и внешнеполитические амбиции государства требовали для себя новых жертв и не считались с положением, проблемами и настроениями населения.

С известной долей условности все замужнее женское население России в XVIII—XIX вв. можно разделить на три группы: женщины, мужья которых уже служили в армии; россиянки, которые с тревогой ждали часа неминуемого «изъятия» главы семьи для военных надобностей; жены, мужья которых по состоянию здоровья, льготам и другим причинам не могли служить «пушечным мясом». Именно эти женщины считали себя самыми счастливыми и удачливыми. Ни одна женщина податного сословия не могла быть спокойна, пока ее муж находился в «призывном возрасте» и мог в любой момент угодить под «красную шапку»⁵.

Отдача мужа в рекруты коренным образом меняла статус россиянок, внося в их жизнь необходимость приспособливаться к новым условиям, искать способы противодействия правовому, административному и общественному давлению, которому подвергалась любая солдатка, став представительницей военного сословия.

В XVIII—XIX вв. зачисление женщины в военное сословие иногда несло солдатке освобождение. Если она была крепостной, то после призыва мужа на службу становилась свободной, но принадлежащей, как и все дети, рожденные ею

после ухода мужа в армию, военному ведомству.

Солдатские жены, получая юридическую свободу, как «свободные» женщины, которые больше не зависели от помещика и податной общины, попадали под власть военных властей и формально до 1866 г. могли проживать вместе со своими мужьями, в том числе и следовать за ними в армию⁶ Брачные узы считались святыми, и военные, гражданские и церковные власти не решались запрещать жене быть при муже. Подобное положение было с явным недовольством встречено помещиками, которые теряли не только своего бывшего крепостного, взятого в армию, но и его жену. В случаях, когда в солдаты тайно записывался крепостной крестьянин, военное начальство отказывалось возвращать его из армии. Помещики требовали оставлять им хотя бы жен этих «самовольных» солдат. В 1700 г. было решено: если солдаты станут просить «о поставке их жен, таких жен от помещиков не отбирать». По первым рекрутским указам можно было брать в армию только холостых рекрутов, но уже с 1707 г. допускался и призыв женатых мужчин, так как холостых оказалось для призыва явно недостаточно. Уже в первых петровских указах о рекрутских наборах отмечалось, что часто новобранец отправлялся к месту службы с женой и «робятишками»⁷. Однако фактически: все было гораздо сложнее и упиралось, прежде всего, в экономическую составляющую совместного проживания супругов, реальные возможности солдата содержать жену и детей.

Свидетельством значительного числа женатых солдат в начале XVIII в. может служить текст указа 1704 г., в котором провиантские дачи делились на две категории: для женатых и холостых воинов. Семейным выдавалось от казны по 5 четвертей хлеба в год, а неженатым — только 3. Однако волокита в выдаче казенного провианта ставила порой детей и жен ушедших в похода рекрутов в крайне тяжелое положение. Власти отмечали, что в 1707 г. из-за отсутствия в государственных амбарах-магазинах хлеба жены и дети солдат «помирают голодной смертью»⁸. Вскоре тяготы Северной войны заставили правительство вообще отказаться от выдачи хлебного жалованья солдаткам и их детям.

С 1711 г. было разрешено сданных в армию женатых рекрутов заменять холостыми, а в 1722 г. последовало уточнение о том, что жена могла следовать за мужем только после того, как он обживется на новом месте, и если на то придет «требование полков». С 1744 г. жены рекрутов должны были оставаться на прежних местах. Положение оставшихся на прежнем месте жительства солдатских жен было незавидным. Иногда они даже не знали, живы их мужья или нет, и кто они сами: солдатки или солдатские вдовы⁹. Только в 60-е годы XVIII в. полковых командиров обязали направлять уведомления о смерти солдат их женам. Однако данное распоряжение выполнялось далеко не всегда, что способствовало тому, что солдатка оставалась вечной вдовой без права попытаться заново устроить свою

судьбу.

На семейные отношения и рождаемость в солдатских семьях влияло несколько факторов. Во-первых, привычное демографическое поведение российского крестьянства (большинство призывников-рекрутов до службы были крестьянами) диктовало необходимость наличия большого числа детей в этих семьях¹⁰. Однако длительная разлука, порой на десятилетия, очень редкие встречи лишь при возможном кратковременном отпуске солдата домой или поездке жены-солдатки к мужу на место дислокации воинской части формировали особый тип брачного поведения солдатки.

Во-вторых, необходимо учитывать особенности социокультурных процессов, информированности российского общества в период рекрутчины. После призыва мужа на службу часто солдатка ничего не знала о его судьбе. Да и сами мужья-солдаты могли только догадываться, как живут их семьи и что происходит на родине. Переписка в солдатских семьях была редкой или вообще отсутствовала. Таким образом, часто мужья и жены после рекрутского набора годами ничего не знали друг о друге. Отсюда становится вполне понятным наречение солдатки в общественном мнении «полувдовой», одинокой и незащищенной женщиной. Нередко солдат, пожелавший «выписать» себе жену для совместного проживания в полк, годами искал ее. По воспоминаниям одного из солдат эпохи правления Николая I, он за всю службу лишь три дня побывал на побывке: «...Полк мимо родного села проходил, так у ротного отпросился. Ступай, говорит, и догони нас через три дня. Домой пришел родные с испугу слов не выговарят. Подумали, что с того света пришел»¹¹. Многие рекрутки считали, что после призыва мужа на службу в армию их судьба поломана, и у них нет больше перспективы нормальной семейной жизни и женского счастья. Военная машина перемалывала судьбы солдатских жен, лишая их не только мужа-«кормильца», но даже сведений о его службе и жизни в армии.

Рекрутчина фактически способствовала краху многих солдатских семей, лишала детей отцов, а жену — мужа. Лишь тяжелое ранение, болезнь, инвалидность мужа-солдата давали ему шанс увольнения из армии, возвращения домой и встречи со своей семьей, но вместо опоры и поддержки в этом случае он становился обузой для своих близких.

В-третьих, репутация солдатки в общественном мнении была уже по определению негативной. Если женщина — солдатка, значит, она — гулящая и распутная, а все ее дети — незаконнорожденные. Даже если солдатка рожала вполне законного ребенка, это вызывало подозрение. Встречались и анекдотичные случаи, когда под влиянием общего мнения о солдатках оказывались и блюстители нравственности россиянок — приходские священники. Так, в 1849 г. солдатка А. Сигаева добивалась от духовных властей Тамбовской епархии признания ее сына законным и внесения соответствующей записи в метрическую книгу.

Мальчик был рожден 28 апреля 1829 г. в селе Вышенки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Его отец, И. Сигаев, поступил в рекруты 7 декабря 1828 года. Ребенок не являлся незаконнорожденным. Однако при рождении он был записан именно так. Священник сделал запись о рождении «по привычке», стереотипно: «солдатка — младенец незаконнорожденный»¹². Подобные разбирательства были не редкостью и отражали общественное мнение о солдатках и их детях. Для женщины-солдатки очень трудно было преодолеть негативное восприятие своего образа в сознании современников и современниц, что в свою очередь накладывало отпечаток на поведение солдатских жен и их настроения.

В период многолетней разлуки нередко и сам муж-рекрут, и его жена искали партнеров на стороне, но если для мужчины это в худшем случае заканчивалось венерическим заболеванием и поркой в казарме, то женщине приходилось расплачиваться за свою случайную связь кризисом семейной жизни, а также осуждением и отвержением ее ближайшего окружения и обществом в целом. Представляются весьма показательными оценки одного из курских священников брачного поведения солдаток: «Выходя замуж в большинстве случаев лет в 17—18, к 21-му году солдатки-крестьянки остаются без мужей. Крестьяне, вообще, не стесняются в отправлении своей естественной потребности, а у себя дома еще менее. Не от пения соловья, восхода и захода солнца разгорается страсть у солдатки, а от того, что она является невольно свидетельницей супружеских отношений старшей своей невестки и ее мужа. Всколыхнет и в ней чувство, и за эту вспышку она дорого заплатит, даже иногда ценой всей жизни. Родится ребенок, и родится как-то не вовремя. Вычисления кумушек не совпадут ни с возвращением мужа из солдат, ни, временной побывкой его. Злословие не пощадит такую мать, ее мужа и ребенка. Это и будет причиной всех мучений жизни ребенка и его матери. Еще только чувствуя его, мать уже проклинает ребенка, как вещественное доказательство ее вины. Кто знает, может, именно та ночь, которую она провела коноплях с первым попавшимся парнем, была последним счастливым мигом в ее жизни. Она знает, что у нее уже не будет ни одного счастливого дня. Вечные попреки и побои мужа, насмешки домашних и соседей если и не сведут ее преждевременно в могилу, то мало утешительного дадут в тяжелой ее жизни. И родится на свет божий ни в чем не повинный ребенок с проклятиями. Он никого не любит из своих родных, да и те дают ему почувствовать, что он представляет что-то особенное от остальных детей. Инстинктивно ненавидит своего отца, так как его тятка не усомнится назвать его «выблядком» и с ранних лет начинает смутно осознавать, что тятка ему не отец. Мать же, единственная кто может согреть его своей любовью и сделать из него

равноправного члена деревни, вечно униженная, боится даже приласкать его и возбуждает в нем только сожаление вместо детской святой и горячей любви»¹³.

Отношение мужей-солдат, вернувшихся со службы и обнаруживших незаконных детей у своих жен, в большинстве случаев было резко негативным. Положение «согрешившей» солдатки становилось невыносимым. Разъяренные мужья могли поступать с такими женами как им заблагорассудите истязать и избивать их, унижать и постоянно напоминать о «грехе»¹⁴. Социальное окружение солдатки, как правило, оставалось равнодушным к судьбе несчастной женщины, а расправы солдат с неверными женами нередко заканчивались убийством. Анализ судебных дел свидетельствует об изуверских способах наказания солдатами своих неверных жен: один из них, оказавшись дома на побывке, в качестве наказания подвесил жену за руки и за ноги к перекладине полатей и стал поджаривать ее на огне. Пытка закончилась смертью женщины. Другой солдат, недовольный поведением своей жены, бросил ее в колодезь, где она утонула¹⁵. Даже если муж прощал свою жену за ее «грех», то для общественного мнения он должен был все равно ее избивать унижать. Этнографы зафиксировали примеры таких «двойных стандартов» когда мужья, не желая наказывать жену, становились предметом постоянных насмешек и унижений и вынуждены были публично истязать супругу для того, чтобы «засвидетельствовать» перед обществом свои недовольстве и гнев¹⁶. Вся дальнейшая жизнь «согрешившей солдатки» должна была напоминать ей о ее «непотребстве и бесстыдстве»: женщине запрещалось нарядно одеваться, посещать сельские посиделки, свадьбы и тому подобное.

Большинство солдаток со страхом ждали возвращения мужа из армии. Реакция супруга на повседневную жизнь жены в период его отсутствия дома была непредсказуемой. Одну из историй семейных коллизий привел в своих воспоминаниях «Многострадальные» солдатский сын В. Никитин. Он рассказал о судьбе солдатки, родившей незаконно сына, когда муж служил в рекрутах. Женщина, как только вышла замуж за крепостного крестьянина Г. Прохорова, сразу же стала солдаткой. Мужа помещик сдал в рекруты, а она «сильно роптала на свою судьбу, но потом мало-помалу утешилась и прижила с одним из солдат, стоявших в деревне на зимних квартирах, сына Василия». Солдатка жила со своим незаконным ребенком в доме вдового отца мужа-солдата. Спустя десять лет неожиданно возвратился домой состарившийся и на деревянной ноге законный супруг. Он хотел избить свою жену, но его отец вступился за сноху. Помолчав несколько дней, старый солдат решил, что жену надо простить, потому что и сам он нередко «делал то же, что сделал ему его брат»¹⁷. Такие примирения между супругами были все же исключением, ибо чаще солдатке приходилось всю жизнь

страдать за свой «непростительный грех» и «невоздержанность».

Солдатки и их незаконнорожденные дети полностью зависели от хорошего расположения родственников и крестьянской общины. В то время, как некоторые общины ценили годных к военной службе «душ», которых рожали эти женщины, и даже выделяли участки земли для их пропитания, другие - безжалостно выгоняли солдаток, оставляя их с детьми без средств к существованию¹⁸. В исследовании В.А. Александрова по истории сельской общины в России отмечается, что все же некоторые крестьянские общины помогали в содержании солдатских детей¹⁹. Однако эта помощь общин была эпизодической и необязательной, и для большинства солдатских жен содержание их детей являлось собственной заботой, а уровень жизни таких был низким и неустойчивым. Для солдатки рождение незаконного ребенка приводило к негативным переменам в жизни, изменению отношений с родственниками и соседями, противостоянию с властями, которые стремились непременно впоследствии использовать рожденного ребенка на нужды армии.

К месту службы мужа-рекрута ехали лишь те женщины, которые могли решиться расстаться с привычным укладом жизни, с родными местами и родственниками. Как правило, приезжала к мужу бездетная солдатка, так как наличие детей сдерживало ее мобильность и требовало поиска средств к пропитанию в месте постоянного проживания.

С середины XVIII в. существовала специальная инструкция для командиров полков подыскивать работу для солдатских жен в пределах части. Этим решалось несколько задач: не разбегались по сторонам солдатки со своими детьми, обязанными затем служить в армии; в полковом хозяйстве при помощи умелых женских рук наводился порядок. Женщинам поручались шитье и стирка для солдат белья, вязание чулок, шитье палаток и чехлов для них и так далее. В XIX в. большинство женщин-солдаток не могли найти себе самостоятельного заработка и рассчитывали лишь на квартирное и пищевое довольствие, которое по закону полагалось семейным солдатам.

Если воинская часть располагалась на натуральном постое у городских или сельских обывателей, то еще со времен Анны Иоанновны для женатых солдат полагались дополнительные площади. По законам середины XVIII в., которые сохраняли свою силу вплоть до отмены постоянной повинности во второй половине XIX в., семейства нижних чинов — жены, сыновья до 14 лет и дочери-девицы должны были помещаться вместе с солдатами в покои и входили с ними в общий расчет (жену считали за одного солдата; трех дочерей, «коликих бы лет оныя ни были», также за одного солдата). При этом подтверждалось, чтобы женатых солдат с женами и с детьми больше четвертой доли на одной квартире не было, «дабы хозяева от того не имели один перед другим излишнего

отягощения». Забота правительства не была связана с пониманием важности совместного проживания супругов, а лишь отражала стремление правительства контролировать солдатское потомство. Не случайно в указах Анны Иоанновны подчеркивалось: «...женам солдатским невозможно неприлично жить в казармах, но от разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу». В тот период около половины военнослужащих были женаты и проживали со своими семьями в избах или комнатах, находясь на постое или в солдатских слободах²⁰.

Если семья солдата жила при нем, то ей, кроме квартирного пособия, должны были выдавать еще денежное и пищевое довольствие: квартирные деньги, если воинская часть не могла предоставить казенного жилья; приварочные деньги на продукты; продовольственный паек²¹.

Нанимать квартиру для проживания семьи всегда было очень дорого, и большая часть солдатских семей жила в крайней тесноте и испытывала немало неудобств. В первой половине XIX в. многие солдатские семьи нанимали углы или части комнат, платя за это неприхотливое помещение от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. в месяц с хозяйскими дровами. Квартирные пособия были невелики и рассчитаны на то, что у семьи солдата есть дополнительные источники финансирования (помощь большой семьи, родителей, заработки жены солдата), так как на выделяемую сумму прожить было нельзя. Казенные же квартиры, выделяемые семьям солдат, были очень неудобными. Часто это были те же солдатские казармы, перегороженные деревянными перегородками. Даже в гвардейских полках в одной комнате обычно жили несколько солдатских семей, не всегда отделенных даже деревянными перегородками и пользовавшихся для приготовления пищи одной печкой.

Между солдатками постоянно возникали ссоры и недоразумения. Полковое начальство было завалено жалобами солдаток друг на друга, а нередко — и на своих мужей, которые вымещали на женщинах свою усталость от службы или просто плохое настроение. Нередкими были случаи избиения солдатами своих жен, живших при них²².

У солдата было совсем немного времени, чтобы проводить его со своей семьей. С утра он был занят обучением, строевыми занятиями и только к обеду получал возможность прийти на квартиру к своей семье. Побыв там часа два-три, он снова должен был спешить в роту на занятия, которые продолжались почти до ужина. Поужинав дома, солдат снова спешил в полк к восьми вечера на вечернюю переключку. Только после этого он мог обратиться к командиру за разрешением уволиться из роты для ночлега со своим семейством. По наблюдениям полковых офицеров, именно солдатские жены

являлись опорой солдатской семьи: они откладывали деньги на насущные нужды, они же кормили мужа и детей, выполняли все работы по дому.

Современники отмечали не всегда осознанный выбор солдата при женитьбе в период службы в армии. Если парень женился до службы в армии то невесту, как правило, для него выбирали родители. Находящийся на службе солдат, казалось бы, был совершенно свободен в выборе своей будущей жены, но у него почти не было времени на встречи, ухаживания, более близкое знакомство со своей невестой. И иногда, встретившись с девушкой лишь два-три раза, солдат сразу же подавал рапорт начальству о дозволении жениться на ней, нередко подкрепляя свою просьбу тем, что уже потратил много средств на приготовления к свадьбе и знакомство с родственниками невесты.

И все же регламентация семейных отношений солдат изредка сталкивалась с проявлениями чувств и попытками военнослужащих незамедлительно обрести семью. Так, гренадер Г. Бовыкин подвергся взысканию в 1752 г. за самовольную отлучку и женитьбу. Смягчено наказание было лишь благодаря тому, что солдат сам явился к начальству и во всем признался²³. Аналогичное разбирательство вынужден был проводить и тамбовский наместник Г.Р. Державин в 1779 г. по отлучке солдата М. Григорьева и самовольной женитьбе его на крестьянке А. Терентьевой. Солдат пробыл в отлучке около 9 часов и по закону подлежал наказанию шпицрутенами два раза сквозь строй из 500 человек, но наместник счел такое наказание слишком строгим, приговорив солдата лишь к наказанию палками при собрании команды, и оставил его в прежней должности²⁴.

И все же главным фактором, влиявшим на семейный статус солдата было его материальное положение. Не случайно, большинство солдат принимали решение и получали дозволение начальства на брак лишь при обретении более высокой должности. Как отметил в своем исследовании о женатых нижних чинах П. Брандт, почти во всех полках значительную часть женатых составляли фельдфебели, фельдшеры, мастеровые, которые обрели семьи именно после получения этих званий и должностей²⁵. В воспоминаниях русских офицеров также упоминается о том, что женатыми были в частях именно унтер-офицеры, которые уже могли содержать своих жен и детей²⁶.

Офицеры признавали благотворное влияние семейной жизни на нравственность, поведение солдата и его отношение к службе. Поэтому они старались не препятствовать устройству солдатом своей семейной жизни. Командиры полков отмечали, что семейные солдаты становились степеннее и рассудительнее, имели определенные цели и прочные привязанности. Некоторые выпивавшие ранее солдаты бросали под воздействием жен свою пагубную привычку, говоря: «Пить водку теперь некогда, да и жена не дает, бранится, даже и тогда, когда казенную чарку выпьешь а о своей уже и думать нечего»²⁷.

Военный быт, походы, лагерные сборы, маневры часто и надолго разлучали солдата с женой, даже если она жила при части. Рождаемость в солдатских семьях была низкой — 1-2 ребенка. В литературе встречается мнение, что солдатки не желали просто плодить «пушечное мясо». Однако причинами, на наш взгляд, были как отсутствие времени у родителей для надзора за детьми, так и беспечность, недоверие к докторам и подозрение к их лечению. Большинство солдат и членов их семей предпочитали лечиться у старух и знахарей, что также способствовало значительной смертности солдатских детей.

Анализ списков военнослужащих, проведенный С.В. Карпушенко, позволяет думать, что женами военнослужащих в период их полковой жизни становились в основном дочери тех же солдат. По всей видимости, девушки, подраставшие или в полку при отцах, или при матерях, если те не уходили подыскивать работу, не обладая приданым, не могли рассчитывать на хорошую партию, а поэтому и не выходили из военного сословия, становясь солдатскими женами и рожая потом солдатских детей. Девочки меньше всего упоминаются и в военном законодательстве, заинтересованном лишь в будущих солдатах ²⁸.

В немногих воспоминаниях, скорее записях со слов солдаток, отражены тенденции браков солдат с дочками, внучками, сестрами их однополчан. Так, Анна Любчук была замужем за солдатом и имела от него дочь Варвару, потом овдовела, но ее взял в жены другой солдат. Сестра Анны Анастасия тоже была замужем за солдатом, от которого родила пятерых детей. Обе женщины находились вместе со своими мужьями во время осады Севастополя в период крымской войны 1853—1856 годов. Когда начальство приказало солдаткам покинуть город, то большинство из них предпочли остаться: многим просто некуда было идти, другие жили в подвалах и надеялись пересидеть осаду. В конце концов, солдаток оставили в покое. Одна из них вспоминала свои мысли в те дни: «Прожили мы столько лет дружно, и брошу я его теперь в такое страшное время! Уж лучше остаться на власть Божью» ²⁹. Солдатки приносили еду мужьям на позиции, заботились о детях и только за день до сдачи города по приказу военного начальства ушли из Севастополя.

Сложности семейной жизни солдата, тяжелые условия совместного проживания, отсутствие средств приводили к тому, что большинство женщин-солдаток оставалось на прежнем месте жительства. Фактически некоторые солдаты, хотя и считались женатыми, но практически жен своих не видели с момента рекрутства: они женились, еще «в крестьянстве», успели даже завести детей, и жены, понимая, что ничего хорошего от солдатского житья не ожидается, остались на прежних местах, давая, впрочем, своим

мужьям основание долгие годы считаться семейными. Часто солдаты более десяти лет не видели своих жен, хотя некоторым из них удавалось бывать дома во время кратковременных отпусков. Если солдат добивался у полкового начальства разрешения выписать свою жену к себе в часть для совместного проживания, то ему приходилось вступать в многолетнюю переписку с земской полицией, чтобы выяснить, жива ли его жена и где она находится. Нередко солдатки, обнаруженные властями, отказывались выезжать к мужу и тянули время под разными предлогами.

По мнению Э.К. Виртшафтер, потеряв место в родной общине, солдатские жены получали паспорт, который позволял им менять место жительства в поисках работы³⁰. Однако часто мужья-солдаты отказывались давать согласие на проживание жены отдельно не только в городе, но часто и в родном селе. Без этого разрешения власти, в свою очередь, не имели права выдавать женщине паспорт с правом самостоятельного выбора места жительства. Иногда проходило несколько десятилетий, прежде чем солдатка получала отдельный вид на жительство³¹. Архивные источники сохранили многочисленные прошения солдаток с просьбами выдачи им паспорта «для прокормления своею работою». Иногда женщины-солдатки стремились купить фальшивые документы, если им официально отказывали в выдаче паспорта. Так, в 1783 г. был предан военному суду полковой писарь А. Дмитриев, изготовивший такой фальшивый паспорт для жены карабинера³².

С мужем в армии проживали около 5% солдаток, еще 15% женщин пытались жить самостоятельно в городах, других селах, находя собственные средства к существованию. Но большая часть, около 80%, оставались жить там, где их застал призыв мужа в рекруты: в его большой семье, или у своих родителей, других родственников.

Разница, в возрасте солдата и его жены была часто значительной. Специальное изучение состава семей солдат в XVIII в. подтверждает эту особенность возраста мужа-солдата и его жены. Так, 29% солдатских семей им разницу в возрасте мужа и жены от 15 до 25 лет, еще 14% — от 10 до 15 и почти 40% мужей были старше своих жен на 5—10 лет и лишь четыре процента были ровесниками³³. Такая большая разница в возрасте солдата и его жены объяснялась прежде всего тем, что многие солдаты женились уже после службы в достаточно зрелом возрасте не на своих ровесницах, которые уже устроили свою судьбу, либо не могли составить конкуренцию молодым девушкам на выданье. Весьма примечателен и средний возраст членов солдатских семей: муж — 59 лет, жена — 47, сын — 19, дочь — 10 лет. Сыновей в солдатских семьях было почти в три раза больше, чем дочерей. Можно предположить, что при проведении переписи отставных солдат власти не всегда учитывали «солдатских девок», предпочитая четко регистрировать будущих рекрутов

— сыновей солдат.

Архивные источники XIX в. также свидетельствуют о значительной, порой в одно или даже два десятилетия, разнице в возрасте солдат и их жен³⁴. По ревизским сказкам семьи солдаток насчитывали обычно 3—4 человека, а в исповедальных ведомостях вообще встречаются только одиноко проживающие солдатки и солдатские дети. При этом ревизские семьи отставных солдат к середине XIX в. явно росли (1850 г.: средний размер — 5,5 человек, 1858 г. — 9 человек), что можно связать с сокращением срока рекрутской службы и довольно частыми встречами с женами в период службы или от пуска домой.

С 1866 г. браки солдат в период службы уже не разрешались. Тем самым правительство значительно сокращало свои расходы, предполагая, что шестилетняя разлука не разрушит семьи солдат, женившихся до призыва) армию.

Многие солдатки не выдерживали насмешек и презрительного отношения в большой семье родителей своего мужа, где они чаще всего проживали, и в которой их постоянно попрекали куском хлеба. Многие из них стремились любым способом вырваться из этого невыносимого положения, пытались сами найти средства к существованию для себя и своих детей.

Отмечались случаи, когда рекрутские присутствия выдавали бездетным рекрутским женам виды на свободное жительство в городах и поселения при условии «честного поведения». Этим порой пользовались и в большой семье, чтобы избавиться от лишнего рта, «выдавить» «соломенную вдову» с крестьянского двора.

Однако большинство солдатских жен проживали в своих прежних семьях, что подтверждают отчеты губернаторов, в которых отмечалось, что большая часть солдаток «проживает в своих семействах, а некоторые живут особо и занимаются мелочной торговлей и рукоделием»³⁵. В одном из военно-статистических описаний губернии за 1850 г. было записано, что «незамужние солдатки занимаются работами или в домах родственников или по найму, а редко живут своим хозяйством: переторговывают, пекут калачи, шьют рукавицы, перчатки, белье и стирают в домах поденно»³⁶.

Одиночество женщины, ее семейная неприкаянность, тяжелое материальное положение, неприязненное отношение родственников и социального окружения часто толкали солдатку на поиск новой семейной жизни. Поэтому нередкими были гражданские браки солдаток, различные формы нелегального или полуполигального сожительства с новыми «супругами». Некоторые женщины-солдатки уже через 2-3 года,

после того, как их мужей забирали в рекруты, начинали поиск партнера для создания новой семьи. Они хорошо понимали, что разлука с мужем-солдатом превращала их в фактических вдов и не давала шансов на нормальную семейную жизнь. Создав новую семью, солдатка не могла жить там, где жила прежде, где были её родственники или родственники мужа. Как правило, женщина уходила далеко от родных мест, где ни ее, ни ее нового незаконного супруга никто не знал. Она начинала жить с ним в гражданском браке, появлялись дети, а любопытным соседям сообщалось о венчании в другом приходе. Спустя годы все считали пару вполне законными супругами.

Такие гражданские супруги или, как их называли в XIX в. «сожителю», утверждали, что их брак законный, что они были венчаны. Однако при разбирательстве оказывалось, что супруги не могут назвать точную дату своего венчания, имя священника, который совершал обряд, церковь, в которой венчались, а также имена свидетелей. Одним из главных доказательств венчания являлась запись в метрической или «обыскной» книгах. Чаще всего с этой записи и начиналась проверка законности брака. В случае гражданского брака, естественно, эта запись отсутствовала, и ложь супругов открывалась³⁷.

Первичные источники свидетельствуют, что в среде женщин-солдаток были распространены незаконные браки. В указе от 18 октября 1785 г. констатировалось, что «одни солдатские жены впадают в развратную жизнь, а другие вступают по долговременном ожидании в незаконные браки»³⁸. Для предупреждения «двоемужия» Синодом в 1812 г. было постановлено: «Солдатская вдова не прежде правом вдовства своего может воспользоваться, как по получении от инспекторской военной коллегии экспедиции паспорта, удостоверяющего о смерти мужа ея». На этих основаниях Сенат в том же году постановил, что подобные браки противозаконны, и «на сем основании и с прижитыми в таковых браках детях надлежит поступать, как о незаконнорожденных от солдатских жен установлено»³⁹. Солдатки не очень прислушивались к подобным законодательным разъяснениям, а начинали поиск сговорчивого священника, которого иногда просто подкупали, убеждая, что муж погиб на войне, или о нем уже не слышно более 10 лет. Как правило, незаконные венчания совершались в чужом приходе. Попытки властей навести порядок в семейно-брачных отношениях солдаток часто заканчивались неудачей.

Архивные документы позволяют реконструировать семейные коллизии российских солдаток. Так, солдатка М. Федорова в прошении к тамбовскому губернатору от 21 августа 1836 г. писала, что ее муж, крестьянин Кирсановского уезда Д. Афанасьев, тридцать пять лет назад был отдан в рекруты. Через три года после этого она ушла в село Овсянку и проживала у крестьянина А. Савельева, крепостного помещицы Кушелевой, от которого и

родила незаконно трех дочерей: Домну, Авдотью и Варвару. Домна — 12 лет назад, Авдотья — 9 лет назад против их воли и без согласия матери были повенчаны с крестьянами Кушелевой, которая удерживала девушек «в стеснении и побоях и хотела Варвару также отдать за своего крестьянина без ее согласия». М. Федорова просила провести следствие по ее делу кирсановским земским судом, доказывая, что помещица не имела права на ее дочерей⁴⁰. Из материалов дела видно, что все эти годы солдатка жила в гражданском браке, а общество и местный причт считали пару законными супругами. Следствие по прошению солдатки длилось четыре года и в 1840 г. отношения гражданских супругов были признаны «блудным сожительством», дети — незаконнорожденными, а местный причт и двадцать два свидетеля были оштрафованы.

Иногда священники венчали незаконные браки солдаток по просьбе их помещиков. Так, в 1808 г. в Лебедянском округе был признан незаконным брак солдатки А. Куликовой и крепостного крестьянина И. Архипова. Крепостной Архипов женился по распоряжению своей помещицы Н. Дубовицкой. Солдатку вернули первому мужу, а незаконнорожденный сын остался с отцом и был отправлен помещицей в Рязанскую губернию⁴¹. Вероятно, соучастие помещицы в незаконном венчании было вызвано экономическими интересами. Приведем мнение современников о влиянии рекрутского набора на семейную жизнь россиянок: «Жена, оставшись без мужа по большей части в молодости, предается развратному поведению, а под старость промышляет сводничеством и через то подает вредный пример буде есть своим детям; отец принадлежит службе, жена скитается без приюта... Сколь часто бывают примеры, что жены отданных на службу по необходимости обстоятельств, а иногда по насилию помещиков или управителей — выходят замуж за других от живых мужей»⁴².

Общественное мнение не сильно осуждало стремившихся обрести семью солдаток, особенно тех из них, которые были вынуждены выходить замуж, так как сами были не в состоянии прокормить детей. Общинная психология вполне допускала подобное сожительство еще и потому, что сама община устранилась от необходимости оказания помощи солдатским семьям. Однако, если через много лет объявлялся первый законный супруг, то второй брак солдатки всегда признавался незаконным. На женщину накладывалась семилетняя епитимья, и солдатку возвращали первому супругу. Архивные документы фондов духовных консисторий полны такими разбирательствами. Нередко инициатором церковного следствия являлся законный супруг. Например, в 1804 г. в отсутствие мужа солдатка А. Васильева тайно повенчалась с крестьянином В. Паршиновым в селе Троицкое Тамбовской губернии. Отставной солдат В. Шебуняев попросил разрешение на второй брак, потому что жена вышла за другого. Началось

следствие, в результате которого второй брак солдатки был объявлен «блудным сожитием», а сыновья от этого брака — Сергей и Илларион — незаконнорожденными. Пару приказано было разлучить навсегда и наказать семилетней епитимьей.

В 1838 г. крестьянин села Каликина Тамбовской губернии М. Поликарпов попросил у духовной консистории разрешение на новый брак. Он указывал, что его первая жена, солдатка П. Сергеева, давно замужем за однодворцем В. Милютиним, что «первую жену обратно не хочет», а желает вступить в другой брак. На такое решение дела была согласна и сама солдатка. Но, как только прошение попало в духовную консисторию, второй брак солдатки сразу был объявлен недействительным⁴³. Женщину вернули первому супругу, несмотря на наличие четверых детей от второго брака, а детей признали незаконнорожденными.

Церковь не фиксировала срока давности и не делала скидок на престарелый возраст незаконных супругов. Солдатка обрекалась тем самым на «монашеский» образ жизни даже при отсутствии сведений о муже в течение десяти, двадцати и более лет. В 1803 г. проводилось церковное расследование брака солдатки В. Ефимовой и Е. Подустова из села Конобеева Шацкого уезда с учетом отсутствия первого мужа более 25 лет⁴⁴. Законность данного брака консистория рассматривала по доносу местного священника И. Трофимова. Однако при рассмотрении дела выяснилось, что второй брак надо сохранить, так как существовал указ Святейшего Синода от 19 июня 1801 г. том, что подобные браки не расторгаются, если нет достоверных сведений живых супругов. И все же подобное решение о сохранении брака являла исключением, так как в абсолютном большинстве случаев второй брак солдаток признавался незаконным, если не было документа о смерти первого мужа. По российскому брачному законодательству женщина-солдатка, вступая в новый брак всегда должна была предоставлять документ от военного ведомства о том, что муж погиб или пропал без вести. Если таких документов не оказывалось, то повторный брак признавался незаконным.

Не все солдатки стремились к официальному оформлению своих отношений. Главной целью для них было стремление прокормить себя и детей. Поэтому некоторые из солдаток жили долгие годы со вторым супругом без венчания, считая такие отношения вполне законными. Общественное мнение также относилось к повторным бракам солдаток, как узаконенным нормальным, если они длились продолжительное время.

Семейная жизнь солдатки и попытки ее регулирования властью и церковью входили в явное противоречие. Не случайно, расследования о незаконных браках солдаток занимали лидирующее положение среди подобных церковных разбирательств. Попытки солдаток устроить свою судьбу и хотя бы как-то смягчить тяготы и лишения

наталкивались на юридические препоны. Семейно-брачные отношения солдатки явно не соответствовали традиционным устоям и юридическим предписаниям имперского периода российской государственности. Эти противоречия формировались, развивались самим государством, которое постоянными воинскими мобилизациями (очередными и внеочередными призывами рекрут, отзывами из отпусков бессрочно отпускных солдат и тому подобное) выводило за рамки нормальной семейной жизни сотни тысяч россиян и россиянок, обрекая их на разлуку, страдания, ломая человеческие судьбы и семейные узы. Хотя большинство расследований о незаконных браках солдаток заканчивалось не в их пользу, все же женщины не оставляли надежды устроить свою судьбу и боролись до конца за стабилизацию своей семейной жизни.

В период сенатских и прочих ревизий больше всего прошений с требованиями правды и борьбы с произволом местных чиновников и помещиков подавали именно солдатки, либо члены семей, из которых незаконно были призваны на службу сыновья. В 18148 г. был издан специальный «Свод военных постановлений о солдатских детях», в котором признавалось, что, из-за незнания законов и ошибок при зачислении солдатских сыновей в другие сословия, часто «возникает излишняя переписка, отяготительная для просителей и затруднительная для делопроизводителей»⁴⁵.

Отставные солдаты еще с XVIII в. Имели право добиваться от военного начальства «доставки» своих жен и детей. Подобные ходатайства отставников не только выполнялись, но и финансировались властями. Весьма примечательным свидетельством подобной мобильности рекрутских жен может служить повеление тамбовскому губернатору генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина об отправке с рекрутскими партиями жен и детей отставных солдат. Отставные солдаты решили остаться в городе Николаеве и заниматься строительным делом, и военное начальство озаботилось доставкой им их жен и детей. На дорожные расходы казна выделила на одну женщину по четыре рубля, на ребенка — два рубля⁴⁶. Поражает быстрота выполнения повеления светлейшего князя, которое было получено 4 февраля 1791 г., а уже в марте были выделены средства, и семьи отставников были отправлены с рекрутскими партиями. Выяснилось, что не все жены могли поехать к мужьям. Так, одна из солдаток умерла, а другая уехала в другую деревню, были организованы ее поиски и начато расследование⁴⁷. Спустя год солдатка была найдена и отправлена к мужу, который сам к этому времени уже умер. Солдатка получила от воинского начальства паспорт для свободного проживания и была отправлена назад в Тамбовскую губернию.

После возвращения мужей со службы часть солдаток была вынуждена перебираться в города вслед за ними, так как именно в городах отставники и инвалиды могли заниматься

ремеслом или получать в первую очередь вакансии гражданской службы, служить на разных мелких должностях (рассыльными, пожарными, сторожами, швейцарами, смотрителями)⁴⁸. Отставные солдаты занимались также ремеслами, промыслами, мелкой торговлей. Их жены также старались найти работу, устраиваясь кухарками, швеями, разводили огороды, торговали⁴⁹.

Некоторые отставники вынуждены были довольствоваться в городах поденной работой или даже мирским подаванием. Не случайно, при Николае I от отставных солдат неукоснительно стали требовать «соблюдать в одежде форму, бороду брить, по миру не ходить»⁵⁰. По оценкам Виртшафтер вернувшиеся с военной службы солдаты попадали в категорию разночинцев, хотя местные чиновники и пытались отнести их к «военному сословию». По законодательству они могли свободно перемещаться, но при условии, что не будут заниматься преступной деятельностью или бродяжничеством⁵¹. Отставные солдаты и члены их семей не подлежали подушному обложению, но практически были лишены государственной и общественной поддержки.

Источники свидетельствуют об очень редком возвращении отставного солдата в семью отца или братьев. Если это случалось, то такие солдатские семьи предпочитали жить отдельным двором. Довольно часто солдаты, которые женились во время службы, после отставки уезжали жить на родину своих жен.

В исследовании И.Д. Белова «Наш солдат в песнях, сказаниях, поговорках» указывается на то, что среди населения сам солдат, солдатка и их дети считались отчужденными личностями, и часто на них смотрели с величайшим нерасположением. Во многом это определялось экономическим расчетом, так как покинутая солдатом семья тяжелым бременем ложилась на крестьянство⁵². «Солдаткиным ребятам вся деревня отец», «У солдатки сын семибатешный», — так отразились в народных пословицах судьба и статус солдатских детей. Да и сама солдатка, по словарю В.И. Даля, «ни вдова, ни мужняя жена»⁵³.

Солдатчина в народном представлении казалась несколько не лучше каторги, даже подобна смерти. Неслучайно существовала поговорка: «В рекрутчину — что в могилу»⁵⁴. Солдат считался «казенным человеком», то есть совершенно отделившимся от крестьянского и мещанского мира, принадлежащим казне. Да и его семья не признавалась окружением своей. Служба в армии создавала солдату как бы новую семью, а для родных и близких считался потерянным человеком.

По мнению американской исследовательницы Б. Фарнсворс, память о женах солдат сохранилась в основном в рекрутских плачах⁵⁵.

В фольклорных произведениях подчеркивалась зависимая жизнь солдатки в семье

мужа и двусмысленность ее положения, порождавшая сплетни и пересуды.

«Причитания Северного края», собранные Е.В. Барсовым, отразили беспросветную жизнь солдатки: «Подобное же нравственное разложение крестьянской семьи производила былая рекрутская система, отнимая весьма часто мужа у жены. Положение последних было ужасно. Печать отвержения и клеймо позорного имени всею тяжестью ложились на этих несчастных и нравственно угнетали их на каждом шагу. Беда, постигавшая ее, была так велика, что жена предчувствовала грозившую ей кручину. И стала слыть она не вдовой — женой немужней, а бедной солдаткой»⁵⁶. Специально бытовая жизнь рекрутки и ее плачи были изучены в XIX в. Е. Добрынкиной, которая отмечала, что «...вопить над рекрутом почитается у крестьянок священным обыкновением, и тогда состоится приговор общества о взятии парня в рекруты, жена садится на лавку и начинает вопить... Первостепенную роль играет здесь горе жены. По уходу мужа из дому чем делается она? Что такое ее личность? Ничто! Хуже последней наемки... Потеряв терпение, соскучившись одиночной жизнью, измученная семейными дрязгами, идет из дома вон, куда-нибудь в село или город на заработки... Однако же свобода не служит ей на пользу. Она не умеет справляться с ней, привыкши до сих пор ходить на помочах и жить под вечным гнетом. Женщина распускается и начинает вести жизнь, не стесняемую никакими правилами нравственности! Рекрутка этому счастью рада, теперь она погуляет на всей своей вольной волюшке и кончает тем, что поступает на готовые харчи к какому-нибудь солдату или пролетарию из мастеровых...»⁵⁷.

Несомненно, фольклорные источники помогают в воссоздании повседневного бытового уклада и семейной жизни российской солдатки. Однако Фарнсворс считает, что рекрутские плачи слишком традиционны в характеристике судеб солдатских жен. Их собрали в 1868 г., опубликовали в 1888 г., а рассказывали в XX в., и они не включили изменений, произошедших в 1860-е годы: юридических новшеств, демобилизации после Крымской войны, ожиданий военной реформы 1874 г. и снижения срока службы. Историческая достоверность таких «плачей» ограничена, в основном, дореформенным периодом. А позже «плачи» уже вводили в заблуждение, изображая солдатку как абсолютно беспомощную⁵⁸.

«Рекрутские плачи» не отражали создания крестьянских судов, которые после освобождения 1861 г. и отмены юридической власти помещика, основывались не на государственном, а на крестьянском обычном праве. Суды решали именно те проблемы, которые прежде всего беспокоили солдатку, - изгнание из семьи без средств.

Иногда солдаткам приходилось решать в суде и внутрисемейные споры если дело касалось имущественных претензий. Документы провинциальных судов сохранили немало

случаев таких разбирательств. В 1851 г. братья Петр, Андрей и Емельян Поповы подали в уездный суд Тамбовской губернии прошение, в котором доказывали, что их племянники Евсей и Емельян им не родня, так как рождены были незаконно от солдатки Улиты Павловой, с которой их двоюродный брат, Симон Попов не был повенчан, и на этом основании просили все имущество, оставшееся от брата передать им. Духовная консистория не обнаружила доказательств брака и признала его недействительным, а детей от этого брака — незаконнорожденными. На основании этого Усманский уездный суд в 1853 г. постановил спорное имущество передать братьям Поповым, а сыновей Улиты Павловой признал принадлежащими военному ведомству. Тамбовская гражданская палата утвердила это решение суда, с этим же согласился и губернатор, но в рассмотрение дела вмешалась Палата государственных имуществ, которая обратилась в Сенат для рассмотрения своей кассационной жалобы. В 1865 г. Синод, доведя церковное следствие, выяснил, что, хотя записи брака Симона Попова с Улитой Павловой не найдено по метрикам, но в исповедальных ведомостях с 1828 по 1835 гг. эти лица постоянно означались супругами, а дети их в метрических книгах села Верхняя Пластица записаны были рожденными в 1821 и 1828 гг. и крещены одним священником. В ревизиях 1815, 1833 и 1850 гг. супруги Поповы были также показаны имеющими детей. Таким образом, событие брака Поповых было оглашено церковными документами (исповедальными росписями и метрическими книгами), а рожденные дети — в гражданских документах, то есть в ревизиях. К тому же многочисленные свидетели подтверждали под присягой факт венчания Поповых. Синод в итоге признал брак солдатки доказанным. На основании этого решения Сенат в 1866 г. принял решение, что дети Поповых должны пользоваться правами, законным детям принадлежащими⁵⁹. Тринадцать лет потребовалось для доказательства законности происхождения детей солдатки.

Солдатские жены одними из первых в России оценили возможности апелляции к законодательству и защиты своих прав как представительниц военного сословия, которые нарушали помещики или местные власти. Они подавали прошения властям, обращались с изложением своих претензий непосредственно к императору, участвовали в обширной бюрократической переписке и многочисленных судебных тяжбах. В большинстве случаев солдатки не писали прошения самостоятельно, обращаясь к помощи писаря или грамотного соседа, но все же они сами обретали непосредственный правовой и жизненный опыт.

В повседневной жизни солдатские семьи (жены и дети) часто пересекали социальные границы и изменяли свое формальное положение, используя легальные и

полулегальные возможности для выживания. Абсолютное большинство солдатских семей могли рассчитывать только на свои силы, редко — на помощь общины и городского общества, но почти никогда — на государственную поддержку. В семейном, социальном, экономическом плане солдатка и ее дети оказывались обреченными на страдания и низкий уровень потребления, выброшенными из привычного окружения и не нашедшими новой ниши в обществе.

1. Определение «солдат», «солдатская жена» появилось в 30-х годах XVII в., когда были сформированы полки «нового строя», названные солдатскими. С начала XVIII в. солдатами стали называть рекрутов, прослуживших определенное количество лет. В период действия рекрутской повинности (1705-1874 гг.) к «солдатскому сословию» или «военному сословию» относились жены и дети рекрутов. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И.А. СПб. 1900, т. XXX, с. 749.

2. Свод постановлений о солдатских детях. СПб. 1848, с. 12; Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. 1. СПб. 1854; Гражданские законы (Свод законов, т. X, ч. 1.) с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената. СПб 1880; Свод военных постановлений 1869 г. СПб. 1902; ГОРЯИНОВ С.М. Уставы о воинской повинности. СПб. 1913.

3. ХОК С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское село Тамбовской губернии. М. 1993, с. 21.

4. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб. 1998, с. 11.

5. Термин «красная шапка» употреблялся в период действия рекрутчины в значении попадания в рекруты. Слово «красная» означало не цвет, а «красивая, нарядная»: в отличие от гражданского головного убора военный отличался красочностью и яркостью. См.: ФЕДОСЮК Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М. 1998, с. 113.

6. БРАНДТ П. Женатые нижние чины. - Военный сборник. 1860, № 12, с. 357; САВЕЛЬЕВ А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа Нижний Новгород. 1881, с. 31.

7. Столетие военного министерства. 1802—1902. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. СПб. 1902, с. 33—44.

8. Быт русской армии XVIII - начала XX века. М. 1999, с. 88-89.

9. Там же, с. 29.
10. ЛЕЩЕНКО В.Ю. Семья и русское православие (IX-XIX вв.). СПб, 1999;
МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.).
Т. 1. СПб. 1999. с. 179.
11. Архив русского этнографического музея (АРЭМ) ф 7, оп. 1, д. 1027, л. 5.
12. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), ф. 888, оп. 1, д. 56, л. 1-4.
13. АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 5.
14. Там же, л. 18.
15. СОЛОВЬЕВ Е.Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян
Поволжья. Сборник народных юридических обычаев. СПб. 1900, с. 293.
16. АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 5.
17. НИКИТИН В. Многострадальные. Очерки быта кантонистов. — Отечественные
записки. 1871, № 8, с. 351-354.
18. Kimerling (Wirtschaftler). Soldiers Children, 1719—1856: A study of social
engineering in imperial Russia. — Forschungen zur osteuropaische Geschichte. 1982, № 30, S.
88.
19. АЛЕКСАНДРОВ В.А. Сельская община в России (XVII - начало XIX в.). М. 1976,
с. 244.
20. Быт русской армии XVIII — начала XX века, М. 1999, с. 123.
21. МИХАЙЛОВ М.М. Военные законы. СПб. 1861, с. 156.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 20, оп. 1, д. 188.
23. Там же, д. 187.
24. ГАТО, ф. 2, оп. 140, д. 141, л. 9-10.
25. БРАНДТ П. Ук. соч., с. 358.
26. ЭВАЛЬД А. Повесть о том, как я командовал ротой. — Отечественные записки.
1862, март, с. 1-57.
27. БРАНДТ П. Ук. соч., с. 359.
28. Свод постановлений о солдатских детях. СПб. 1848, с. 15.
29. ТОЛЫЧЕВ Т. Домашний быт севастопольских жителей. — Русский вестник.
1880, № 9. с. 181-205.
30. ВИРТШАФТЕР Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской
империи. М. 2001. с. 105.
31. ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 3826, л. 22.
32. Быт русской армии XVIII — начала XX века, с. 26—27.
33. ГАТО, ф. 12, оп. 1, д. 163, л. 19-94.

34. Там же, ф. 1049, оп. 4, д. 4023, л. 52.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1262, оп. 1, д. 2095, л. 27.
36. Военно-статистическое описание Российской империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. СПб. 1850, с. 59.
37. МАРЕЕВА Е.П. Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. Канд. дисс. Тамбов. 2003, л. 49—51.
38. ВЛАДИМИРСКИЙ—БУДАНОВ М.Ф. Обзор истории русского права. Пг. 1915, с. 429.
39. ЗОРИН А.И. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск. 2000, с. 69.
40. ГАТО, ф. 2, оп. 22, д. 108, л. 5-6.
41. Там же, оп. 26, д. 76, л. 1—6.
42. Столетие военного министерства. 1802—1902. Ч. II. Кн. 1. Отд. 2. СПб. 1907, с. 314.
43. ГАТО, ф. 2, оп. 25, д. 54, л. 1-2; оп. 60, д. 472, л. 1-2.
44. Там же, ф. 181, оп. 1, д. 371, л. 11.
45. Свод военных постановлений о солдатских детях..., с. 2.
46. ГАТО, ф. 2, оп. 13, д. 23, л. 1.
47. Там же, л. 12.
48. АРЕФЬЕВ Б. Солдат империи. М. 2003.
49. ГОНЧАРОВ Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX—начале XX в. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Новосибирск. 2003, с. 85.
50. Правила об увольнении нижних воинских чинов в отпуск и в отставку. СПб. 1864, с. 88.
51. The Journal of Military History 59. 1995, April, p. 217.
52. БЕЛОВ И.Д. Наш солдат в песнях, сказаниях, поговорках. — Исторический вестник, 1886, август, с. 336.
53. ДАЛЬ В.И. Пословицы русского народа. М. 1984, с. 193—195.
54. ЗАУСЦИНСКИЙ П. Кодификация русского военного законодательства в связи с историей развития русского войска до реформ XIX в. СПб. 1909, с. 318.
55. FARNSWORTH B. The Soldatka: Folklore and Court Record. Sr. 49, 1990, p. 58.
56. Причитания северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитания. М. 1997, с. 38—45.

57. ДОБРЫНКИНА Е. Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. I. Владимир. 1876, с. 119—130.
58. FARNSWORTH В. *Op. cit.*, p. 63.
59. ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 1533, л. 5-13.

